

Яся БЕЛАЯ

(Не)жена
для
олигарха

Яся Белая

(не)жена для олигарха

«Литнет»

2020

Белая Я.

(не)жена для олигарха / Я. Белая — «Литнет», 2020

~БУКТРЕЙЛЕР~ _____ Он привык, что за деньги можно всё. Даже то, что в современном мире кажется дикостью, — «право первой ночи». Иван Демидов — олигарх, для которого не существует запретов. Но встреча с Сашей Урусовой, юной сотрудницей сельской библиотеки, становится началом истории, в которой всё идёт не по его правилам. Страх и упрямство, сопротивление и неожиданные чувства, борьба характеров — всё это признаки того, что любовь приходит туда, где её совсем не ждут. И даже самое холодное сердце может научиться любить. _____
Однотомик, ХЭ #воинственный_петух_Федосей #перевоспитание_олигарха
#любовь_нежность_романтика Обложка от

© Белая Я., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1. Свадьба напоказ	5
Глава 2. Без объявления войны	9
Глава 3. А кто в чём виноват?	14
Глава 4. А теперь, душа-девица...	18
Глава 5. А давай по-честному?	24
Глава 6. Только каменное сердце не болит...	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Свадьба напоказ

— Что?

Я поверить не могу в сказанное бабушкой.

— Что слышала! — огрызается она. — И не вздумай кочевряжиться и принцессу из себя ломать. Мы с дедом в ниточку тянулись, учили тебя. Будь благодарной!

Бабушка права — они с дедулей действительно старались, чтобы у меня было всё лучшее. Я могла позволить себе и квартиру снимать, конечно, вскладчину с одноклассницами, но всё же не приходилось жить с хозяйкой. И одета всегда была не хуже других. И на выходные бабуля всегда везла мне закрутки и другие продукты собственного производства.

Я им с дедом благодарна по гроб жизни. Моя непутёвая мама родила меня в шестнадцать и бросила. Где она сейчас — даже Интерпол не знает. Её так и не нашли. Бабушка с дедушкой — мамины родители — вот уже двадцать один год вся моя семья.

И вот дед слёг. Сердце. Нужно серьёзное, а главное, дорогостоящее лечение. И, разумеется, таких денег у нас нет. Вот бабушка и впадает в отчаяние. Идёт на крайние меры. Только вот я к таким *мерам* не готова. Да и дедушка, если узнает, точно не в восторге будет. Как бы хуже ему от бабушкиных инициатив не стало.

Обнимаю её за талию, упираюсь подбородком в плечо.

— Бабуль, милая, ну давай без этого, — утешаю я. — Мы справимся. Я работать пойду.

— Куда? — рассерженной кошкой фыркает бабушка. — В библиотеку? На бюджетную зарплату? О да! Мы сразу олигархами станем! И деда вытащим!

— Я подработку возьму. Кружки в школе буду вести. Уже договорилась.

— Ну да, — ехидничает бабушка, помешивая ягодное варенье, — лишние две тысячи...

— Пять! — обиженно поправляю я.

— Да хоть пять, Сашка! Хоть десять! Это капля в море и положение не спасёт.

Она устало опускается на колченогий табурет, поправляет съехавшую косынку, качает головой. В уголке глаз, некогда васильково-голубых, как рассказывал дедушка, а сейчас блёклых, окружённых лучиками морщин, собираются слёзы.

Я вглядываюсь в родные черты и замечаю, как бабушка осунулась и сдала. Страх трогает сердце — они с дедушкой моя единственная семья. И пусть я уже взрослая, совершеннолетняя, но оставаться одной — ой как страшно! А бабушка — замоталась, измучилась. Весь день в хлопотах — то в огороде, то в стайке.^[1] Ни свет, ни заря — уже на рынок торопится в соседний крупный посёлок: парное молоко, творог, яйца. Всё домашнее, вкуснейшее. А я, фифа городская, уже неделю дома, а ещё даже в курятник ни разу не зашла.

— Думаешь, Сашка, мне хочется родную кровинушку под чужого мужика? Думаешь, о такой судьбе я мечтала для тебя? Такой твою свадьбу видела? — бабушка всхлипывает горько, с подвыванием.

Сажусь рядом, обнимаю, а у самой сердце заходится от жалости.

— Бааа, — жалобно тяну я, — откуда он вообще взялся на нашу голову? Этот олигарх?

— Да не он сам, Санька. Люди его на администрацию вышли. Развлекаются богатенькие так: мол, найдите нам девку посмазливее и обязательно невинную. Мы её того-этого, а вам — новую дорогу, или в школу нормальный водопровод. Да мало ли чего такому захохоту, как наша, богом забытая дыра, надо? Вот и согласился наш глава. — Бабуля вздыхает, трёт глаза уголком платка, а потом говорит: — Зовёт меня вчера и начинает: ой, Никитична, знаю, что Семёныч-то твой слёг — бьёт, значит, гад, по больному, нутро выворачивает. В общем, предложение есть одно. Санька твоя — девка видная. И я знаю, ты её в строгости растила, так что, девочка она у тебя до сих пор, так? Я уже тогда испугалась: мол, куда клонит? А он: так вот, тут дело такое... Один олигарх право первой ночи хочет и кучу денег даёт. И селу

нашему на подъём хватит, и деду твоему на лечение. Ну сломал меня. Согласилась я, Сашенька. Продала тебя.

Ревёт так, что плечи трясутся.

Я не злюсь, это она от отчаяния.

И я беру себя в руки.

Что я теряю? Честь? Гордость? Да, это потери ощутимые, не спорю. И собирать себя буду потом по кусочкам.

Но там же дедушка! Как представлю его, опутанного проводами капельниц, с дыхательной маской на лице, сердце у самой останавливается. Это же дедуля мой! Которой на руках качал: «Щаз до солнца докину, ууух!» Который рыбачить учил. Которому всегда в плечо поплакаться можно было. Не прощу себя, если из-за гордыни своей деда загублю.

Решительно сжимаю ладонь в кулак и говорю:

— Так что он там хочет? Право первой ночи?! Будет ему первая ночь...

— Санька! Санечка моя! — воет бабушка, бросаясь мне на шею. — Дожили! Детей продаём!

— Не причитай, — обнимаю её. — Лучше подумай, во что наряжаться будем и где жениха взять?

Бабушка вскакивает, гасит горелку под вареньем и частит:

— Тут я уже всё продумала. Твоя ж мать замуж так и не вышла, а платье я ей пошила. Идём!

Бабуля тянет меня наверх, где у нас полужилой чердак. Точнее, мансарда, но руки обустроить её нормально так и не доходят. Странно, что в детстве меня туда не тянуло. У меня сизмальства интерес к книгам был. Есть в руках новая история — и всё, я самый счастливый человек на земле. Всегда в библиотеке на почётном месте висела на стенде, как лучший читатель. Потому после школы на библиотечный и пошла. Мечтала вернуться в родное село и вдохнуть в наш «книжный храм» новую жизнь. Наша старенькая завбиблиотекой, Надежда Ивановна, хоть и очень образованная, но очень далека от современной молодежи и её пристрастий и интересов.

Не суждено сбыться моим мечтам. Не знаю, как ночь эту переживу.

Бабуля между тем открывает сундук и достаёт платье. Если бы я выходила замуж вправду, лучше бы наряда и не пожелала. Только в бабушкином сундуке могли найтись такие сокровища — тончайший батист, муслин, шитый белой гладью, плетённые на коклюшках кружева. И даже венок на голову из воощенных цветов и кисейная фата — мечта любой девчонки.

— Ночами шила, — признаётся бабушка. — Хотела твою мать в нём под венец вести — не вышло. Вот теперь тебе на ненастоящую свадьбу даю.

— Всё в порядке, — улыбаюсь я натужно, хоть в душе и кошки скребут. Прежней меня после сегодняшней ночи не станет. — А жених?

— Так Васька ж Смирнов согласился!

— Ну что ж, — говорю я, — созывай гостей, бабуля. Будем свадьбу играть.

Отбрасываю косу на спину, упираю руки в бока, нарочно бравирую. А самой хочется забиться в угол и выть навзрыд.

Одно оправдание себе вижу: ради дедули!

Вытерплю, вынесу, не сломаюсь.

Только моя бабушка умеет организовать столь грандиозное мероприятие за считанные часы. Вот кого надо в депутаты по нашему сельскому округу! Буквально, щелчок пальцев — и во дворе уже разбит холщовый шатёр, стоят уходящие в бесконечность столы, а возле них — длинные скамейки. Двор нарядно украшен венками и гирляндами цветов — три соседки пожертвовали свои сады и клумбы. Кто-то скажет: куда там сельским кумушкам до модных

городских флористов! А по мне — вышло круто! Я бы не отказалась от такого оформления на реальную свадьбу.

Я и сама похожа сейчас на принцессу из сказки, чего, честно сказать, от себя не ожидала. Непривычно видеть, как скромная библиотечарша превращается в невиданной красоты королеву. Разве это я? Мои тусклые волосы отливают медью и золотом? А зеленоватые глаза — в пол-лица? Светлая кожа с лёгким загаром нежна и приятна наощупь? Неужели бабушкино платье, безусловно, пошитое с любовью, смогло так меня преобразить? Сидит оно, надо признать, как влитое. Бабушка говорит, что мать была такой же пигалицей, как и я. «Метр с кепкой в прыжке», как шутит любимый дедушка.

Среди бабушкиных сокровищ нашлось и жемчужное кольцо, и серьги серебряные, и даже обручальное кольцо. Тоже для матери моей когда-то купленное, но так и неиспользованное.

Я смотрю на себя в зеркало и убеждаю себя не плакать. Не всё так плохо. Пусть свадьба бутафорская, зато помощь дедушке будет настоящая. Ваське Смирнову, вон, ещё хуже чем мне. Он уже полтора года, как вдовец. Мою драгоценную подругу Любаньку схоронил. Теперь один двойняшек растит. А сейчас свою с Любой свадьбу вспомнил и разревелся так, что тётки всем селом утешали.

Тоже мне жених!

Ой, что-то у меня самой глаза на мокром месте! Как вспомню Любушку-хохотушку! Я ж у них с Васькой на свадьбе дружкой была. Люба в город поехала тогда, в больницу, дорогу переходила, как полагается, по «зебре» и на зелёный. Но есть же те, кому закон не писан! У них денег куры не клюют! Вот такой понтушник сбил нашу Любу и скрылся. Его так и не нашли, разумеется. Хорошо, подруга хоть не мучилась, умерла сразу. А двое деток и Васька — вмиг осиротели.

Ох, невесёлые мысли в голове. Не свадебные.

То ли ещё будет, когда *господин* право первой ночи объявит!

Держись, Сашка. Ты сильная!

— Едут-едут-едут!!! — доносится со двора.

Вбегает бабушка, последний раз оправляет мне подол и фату.

Вздыхает:

— Хороша! Слов нет, как хороша! И какому-то обормоту! Да чтоб ему ни дна, ни покрывки!

Чмокаю бабулю в щёку:

— Ничего, — говорю я, — вспомни слова дедушки: и на нашей улице будет праздник!

— Обязательно будет, внученька, — отзывается она и берёт меня под руку: — идём, дорогая. На войне как на войне.

Бабушка и сама принарядилась по случаю. Она у меня не только рукодельница, но ещё и участница клубной самодеятельности. Вот и достала себе платок с красными петухами, шитую рубаху, крупные красные бусы. Колоритная такая бабулька вышла. Хоть на обложку ставь.

Мы выходим из дверей дома ровно в тот момент, когда в распахнутые ворота входит «покупатель». Явился он к нам без охраны, лишь в компании четверых таких же расфуфыренных мажоров.

Он, разумеется, выделяется среди них. Ещё бы, такой огромный! Будь мы при других обстоятельствах, я бы сказала — сказочный богатырь: два метра роста, косая сажень в плечах. Только он, скорее, злодей, чудовище, супостат. И пусть волосы его в лучах заходящего солнца блестят чистым золотом, глаза — синей лазури, гладкая кожа отливает бронзой, а черты лица своей правильностью напоминают античную статую, ничуть он не хорош. Скорее, отвратителен. Потому что красиво очерченные губы кривит сейчас презрительная ухмылка. Ну да, мы все для него — чернь, плебеи, грязь под ногтями. Он же, наверное, возглавляет всякие списки

Форбс. Раньше я могла любоваться этим чеканным профилем на обложке журнала «Экономикс», когда проходила практику в областной библиотеке.

А теперь — лицезрю воочию. Самого Ивана Демидова — одного из самых желанных холостяков нашей страны, мечту миллионов женщин, олигарха-золотопромышленника. Ему удивительно идут чёрный костюм, белоснежная рубашка, глостук-«бабочка». Будто он сам женихаться собрался. Будто на свою реальную свадьбу пришёл.

И, признаться, дышать мне становится тяжело. Особенно, из-за того, как он смотрит на меня. Будто не видит никого вообще. И будто собирается меня съесть — хищно, жадно, с похотью. Тонкие ноздри раздуваются, как у племенного жеребца, которому не терпится рвануть вперёд.

Ко мне.

Схватить, утащить, растерзать.

И никто не спасёт, не защитит. Все собрались здесь, чтобы видеть историю моего падения. Не знаю, как буду потом по селу ходить. С детьми мне точно работать не доверят. Будут виться шепотки за спиной: «Падшая!»-«За деньги переспала!»-«Яблоко от яблоньки недалеко падает».

Судорожно вздыхаю.

Василий, уже стоящий рядом, в том же костюме, что и на своей свадьбе был, пожимает мне руку.

Он, хлипкий, невысокий, против Демидова, как соломинка против танка. Только вот в обиду у нас в селе своих давать не привыкли. Поэтому Васька сейчас злобно щурится и шипит: «Любка меня не простит, если тебя этому борову отдадим!»

Прости, Любка. Дорогая, так надо!

Благодарно пожимаю руку в ответ. Это придаёт мне сил. И просыпается во мне бунтарская кровь ссыльных революционеров. Я гордо вскидываю нос и смотрю на этого богатея с гордостью и достоинством. Мы, Урусовы, тоже не лыком шиты! И даже если девичью честь продаём, себя не роняем.

Между нашими в Демидовым гляделками вторгается бабуля, разряжая атмосферу. Уставив серебряный поднос рюмками и водрузив посередине графин, она семенит к гостям, метя пол своей антуражной народной юбкой.

— Отведайте-ка угощеньица, гости дорогие! — с поклоном говорит она, потягивая пришлым своё подношение и низко кланяясь.

Прям барин явился, и холопы стелются перед ним. Злюсь, потому за бабушку обидно. Она у меня умница и труженица. А тут приходится перед ходячим куском золота спину гнуть.

Наш магнат, однако, снисходит до того, чтобы пригубить чарку. Его сопровождающие тоже не брезгают. Пьют да нахваливают. Конечно, у бабушки наливка — знатная: на меду и родниковой воде.

Демидов залпом осушает рюмку, грохает ею оземь и громогласно заявляет:

— Право первой ночи!

Его густой бас отдаётся внутри пугающей вибрацией. И я лишь усилием воли заставляю себя удержаться в сознании. Не рухнуть тут же. Не начать просить милости.

И куда вся смелость и бравада девались?

Остались лишь пустота, холод и немое отчаяние.

Я — игрушка. За меня заплатили.

Айда барина развлекать...

[1] Здесь в значении «помещение для домашнего скота, хлев»

Глава 2. Без объявления войны

Демидов ухмыляется самодовольно — хозяин, победитель, может. Что ему моя жизнь? Так, тряпочка, обувь протереть.

Глотаю злые слёзы и сдерживаю Ваську, который прямо-таки рвётся в бой.

— Вась, пожалуйста. Так надо.

Он бросает на меня грозный взгляд и вздыхает.

А Демидов, между тем, движется ко мне походкой сытого хищника. Не сожрёт — нате-шится вволю.

Сжимаюсь в комочек, а Васька рядом сжимает кулаки. Он не кинется, я знаю. Но мне приятно, что друг готов защищать.

Все готовы. Я вижу это на лицах «гостей», замерших то с вилкой в руке, то с рюмкой у рта.

Демидов поддевает рукой мой подбородок, заставляет смотреть ему в глаза и ухмыляется. Так, словно получил заветное лакомство, и сейчас будет его смаковать.

— Зелёные, значит, — констатирует он.

А у него — синие, чистые, невозможные. У захватчиков и обидчиков не должно быть таких глаз. И таких длинных густых ресниц, будто притрушенных золотой пылью по краям.

Гораздо лучше, когда твой враг уродлив и гадок. Так проще ненавидеть.

— Мне нравится, — он продолжает рассматривать меня, как товар на рынке. Вертит, будто куклу. — Со всех сторон. Осталось узнать, какова на вкус.

Он наклоняется и будто нависает надо мной всей своей громадой, подавляет. Обвивает рукой мою талию и нагло впивается в мои губы, бесцеремонно раздвигая их и врываясь внутрь. Нет, я, конечно, целовалась раньше... пару раз... Но... это ведь не поцелуй! Это — оральный секс. Демидов меня сейчас просто публично имеет в рот.

Колочу его по плечам, пытаюсь вырваться, извернуться.

Не даёт, держит крепко, целует до тех пор, пока не наступает угроза умереть от удушья.

Лишь тогда отпускает.

— Сладкая! — нахально лыбится он.

Потом берёт меня за руку, безвольную, сломленную, и ведёт к стульям во главе стола. Вообще-то это место жениха и невесты. Но ему всё равно. У него *уплочено*, как говорят наши селяне.

Он сажает меня к себе на колени, отводит фату и волосы, и целует в шею. Вернее, кусает, клеймит, следы оставляет. Нарочно. Будто помечает — моя. Дрожу от отвращения и унижения. Но не хочу показывать ему свою боль, прячу глаза, не желаю видеть, как его взгляд тяжелеет похотью.

Не пойму, почему он медлит, почему продлевает мой позор?

— Ну, давайте, — говорит он, обращаясь к собравшимся у нас селянам, — покажите мне класс! Выдайте национальный колорит!

Ага, повеселите барина, холопы, заключаю про себя. Еложу у него на коленях — он тихо рычит мне в ухо:

— Не драконь! Пока рано! — и снова к нашим: — Ну, что же вы сидите? Что за сонная свадьба?

На выручку приходит бабушка:

— А чего изволите, Иван Сергеевич? Есть песни-потешки, частушки, плясовые.

— Вера Никитична, — он знает мою бабушку по имени-отчеству? — а давайте всё! Жгите!

Наверное, никто ещё не поднимал мою бабушку на творчество такими словами. Но она жжёт.

Э-ээх!

Даже мажоры, что приехали с Демидовым, срываются в пляс с выкрутасами и присвистом.

Мне и самой хочется сорваться в пляс под переборы гармошки и наигрыши балалайки. Но меня держат крепко.

Я добыча. Сегодня у меня нет своей воли.

Его руки блуждают по моему телу — трогают, лапают, жмут. Это неприятно и не заводит ничуть.

Я хочу, чтобы всё прекратилось. Я хочу проснуться. Но ночь только началась...

Впрочем, за тем разухабистым весельем, что устраивает моя бабушка, тёмное время суток неумолимо движется к концу...

Когда мой покупатель поднимается с места со мной на руках, уже сереет.

— Где комната?

Машу в сторону дома. Какая разница — где именно это произойдёт? Даже лучше будет, если до моей комнаты мы не доберёмся. Не останется в ней дурных воспоминаний, которые потом ничем не вытравить.

До моей комнаты он меня и не доносит, затаскивает в ту, которую бабушка называет гостевой, швыряет на кровать, нависает надо мной — огромный, распалённый, неотвратимый, как сама судьба.

Мне страшно. Сейчас я уже сожалею, что согласилась на этот фарс с подставной свадьбой и правом первой ночи. Он поиграет со мной, вынет сердце и оставит внутри лишь пустоту. Он разрушит меня. Но ему всё равно.

Вон, как горят глаза.

— Оставьте меня, — прошу жалобно, отползая от него.

Делаю попытку достучаться. Безуспешную.

Потому этот монстр надвигается на меня грозно, подавляет, заставляет сжаться в комок. В глазах — похоть и безумие. Он не привык себе отказывать, не привык слышать «нет». Ухмыляется только:

— Я заплатил за тебя, сладкая. Право первой ночи — моё.

Подтягивает меня к себе за ногу и разрывает лиф платья.

Я зажмуриваюсь крепко-крепко. Не хочу видеть. Хотела бы и не чувствовать. Но ему так не нравится.

— Посмотри на меня, — требует он.

Подчиняюсь. Распахиваю глаза... и тону в ярко-синем океане страсти, восхищения и... нежности?..

Хотя, кажется, я тороплюсь с оценкой эмоций. От нежности так лицо не перекашивает. Это всё неверный свет зарождающегося утра да моя излюбленная привычка принимать желаемое за действительное. Избавляться от неё надо.

Сию секунду на кровати — растрёпанная, в разорванном платье, которое с такой любовью шила бабушка, с расставленными в разные стороны ногами, и думаю о том, что человек, купивший мою невинность, может испытывать ко мне нежность?

Ну не бред ли?

Демидов отстраняется от меня, стигается пополам, плюхается на сундук и шипит сквозь зубы:

— Стерва!

Давлюсь удивлением.

— Я?

Вроде бы ничего дурного ему не сделала. За что меня стервой-то костерить?

— Нет, — сдавленно рычит Демидов, — бабка твоя, ведьма старая!

— Что вы! — оправляю платье, натягивая изуродованный лиф. — Моя бабушка — верующая. Она в церковь ходит. Она никак ведьмой быть не может.

— Может! — он бросает на меня однозначно злой взгляд. — Она подмешала какого-то дерьма в наливку!

И снова сгибается, злобно шипя.

Ситуация, конечно, не располагает, но мне почему-то делается смешно. Он такой большой, сильный, богатый, погибает тут от деревенской наливки. Кому скажи — обхохочутся.

— Уууу... — тянет он, и у меня всю смешливость как рукой снимает.

У? Убить, что ли, хочет, вражина?

И чего вообще на сундуке расселся? У нас тут первая ночь, или что вообще?

— У-у-у... — запинаясь, выдаёт этот великовозрастный детина, и я просто теряюсь в догадках, чего он именно хочет.

Наконец, мой пленитель, видимо, договаривается со своими голосовыми связками и выдаёт грозным басом:

— Удобства, мать вашу, где?

И вот тут я почти поперхаюсь, потому что удобства у нас на улице... Ага, вот так, через много «у». Кажется, эту фразу я произношу вслух, потому что глаза Демидова распахиваются невероятно широко.

— На улице? Это как?

— Так, — пожимаю плечами, — домик такой, деревянный. Дырка в полу.

— Фу, гадость какая, — морщится Демидов. — Вы что тут, в Средневековье, что ли?

Чья бы мычала, хочется съехидничать мне. Уж не вы ли, барин, тут средневековые обычаи самолично возрождать вздумали? Но себя одергиваю, глупостей не говорю.

А вот всякий страх к нему у меня проходит, да и сама ситуация больше не кажется ужасающей. Ну, подумаешь — невинности лишит! Невелика ценность в наши дни. Возможно, мне даже понравится, в конце концов, мужчина он видный, привлекательный.

Господи, Сашка, о чём ты думаешь? Он же купил тебя, как куклу в магазине, так же поймёт и бросит. Нужна ты ему со всем своим тонким внутренним миром сельской библиотекарши!?

— Куда бежать? — неожиданным вопросом прерывает мои мысли Демидов.

— Кому бежать? От кого бежать? — непонимающе хлопаю ресницами.

— Да, блядь, мне! — звереет он.

— Зачем?! — всё ещё не могу врубиться я.

— За надом, дура деревенская! — ревёт он. — Где эти ваши грёбанные удобства?!

— Т-там... — машу рукой в сторону двери и, наконец сообразив, о чём речь, густо краснею: мы ведь едва знакомы, а уже такие интимные подробности. — Домик такой... серый, дощатый...

Демидов поднимается и какой-то шатающейся, полупьяной походкой идёт прочь.

А я кидаюсь к окну, путаясь в порванном платье. Меня неожиданно накрывает дурное предчувствие. Но как оказывается — поздно!

Демидов, разумеется, никогда не видел сельских «удобств», что стоило предположить. А поскольку сам мужчина весьма габаритный, то строение выбирает себе под стать.

Ага — наш курятник.

Когда я подбегаю к окну, из-за дверей птичника уже доносится воинственно-торжествующее кукареканье и отборный четырёхэтажный мат.

Я понимаю: Федосей разбужен, страшно зол и вышел на тропу войны.

Оседаю на пол, хватаясь за голову...

Дальше всё несётся, как в дешёвом водевиле: из курятника вылетает Демидов, весь всколоченный и в перьях, за ним с грозным кудяхатаньем мчится, распушив крылья, Федосей...

Петух у нас — настоящий господин и повелитель курятника: большой, важный и очень гордый. А главное — терпеть не может, когда кто-то без спросу вторгается на его территорию. Тут он спуска не даёт.

Вот и сейчас — а я снова высовываюсь в окно и наблюдаю эту картину маслом — Федосей подсакивает, громко хлопает крыльями и клюёт Демидова точно в мягкое место.

Мат стоит такой, что уши реально сворачиваются в трубочку.

— Уберите эту мерзкую тварь! — вопит двухметровый мужик, удирая от разъярённого петуха.

Путь Федосею перекрывает один из мажоров, что приехали сюда вместе с Демидовым.

— Ваня! Ёб твою мать! Я щаз его пристрелю! — и выхватывает пистолет.

Настоящий или нет — мне не разглядеть. Видимо, и не мне — тоже. Потому что между зло кудахчущим птицем и новоявленным стрелком кидается бабушка. Расставляет в стороны руки и начинает причитать:

— Ой, что ж это делается?! Сначала внучку, кровиночку, чести девичьей лишили, теперь последнюю животинку убить собираются! Ой, рятуйте, люди добрые!

Воеет бабушка искусно, мастерски, даже Станиславский крикнул бы: «Верю!» У парня аж глаз подёргиваться начинает. Оружие он, разумеется, прячет и даже руки вверх поднимает, видать, от греха подальше.

Но опаздывает. Клич брошен самой Никитичной! Поэтому люди добрые поднимаются из-за столов, смыкают ряды. Кажется, подзабыл Демидов, что сейчас — не крепостное право, и пусть у нас народ бедный и удобства на улице, но мы гордые и привыкли встать друг за друга стеной. На том наше село уже сколько лет держится.

Чего там просил господин-олигарх? Традиций? Национального колорита? Кажется, сейчас тебя покажут, Ваня, древнюю русскую традицию — драка на свадьбе.

Потасовка выходит знатная.

И пока наши селяне гоняют мажоров вокруг дома, Федосей запрыгивает на капот одной из машин — они на двух приехали — и топчет его вовсю, нещадно портя дорогую краску своими когтями. Выглядит он немного-немало, как предводитель народного бунта, бессмысленного и беспощадного.

Селяне загоняют богатеев в их дорогие тачки и радостно улюлюкают. Но Демидов последнее слово оставляет за собой — высовывается в окно и орёт:

— Вы у меня ещё попляшете! Ой попляшете! По-настоящему! Я ваше дерьмовое село с говном смешаю! Бульдозером сравню! Вы ещё попомните, твари, как над Иваном Демидовым глумиться! В ногах ползать будете!

Дорогие машины, ревя моторами, наконец, срываются и уносятся прочь, и вот тогда-то бабушка падает, как подкошенная, и рыдает безутешно и горько. Должно быть, ломается внутри у неё пружинка, которая заставляла всё это время держаться и паясничать.

Вылетаю из дома белой птицей, мчусь, путаясь в длинных юбках, падаю рядом, обнимая единственную и драгоценную. Она поднимает руку, кладёт сухую шершавую ладонь мне на щёку и прижимает голову к своему лбу.

— Эх, Сашка-Сашка, — бормочет она, между всхлипами, — делов мы тут натворили. Чую, аукнется нам. Ой, аукнется.

Я не хочу думать — чем, как и когда. То, что во власти Демидова воплотить все его угрозы, — я даже не сомневаюсь.

К нам подходит Василий, поднимает бабушку с колен:

— Что ж вы, Вера Никитична, себя не жалеете! — и ведёт в дом.

Я плетусь следом.

Соседки разбредаются по двору — убирают разор, который натворили тут, когда гоняли мажоров. Надо бы помочь, но я не могу.

Сил нет. Из меня словно душу вынули, а тело прокрутили в стиральной машинке, измочалили, измордовали.

Я не знаю, сколько так сижу. На краю сознания ощущаю, как подходит Василий и набрасывает мне на плечи свой пиджак.

— Замерзла же! Так и простыть недолго! — беззлобно ворчит он.

А моё состояние прострации и не думает прерываться. Смотрю на суетящихся людей, на втоптаные в грязь цветы и порванные венки... и будто ничего не вижу.

Кажется, солнце уже выбралось в зенит и всю жарит.

А мне всё равно.

У меня случилась явная передозировка эмоциями...

Но судьба, должно быть, решает, что пока что мне мало. Находит способ взбодрить — настойчивая трель телефона врывается в моё зависшее сознание.

Поднимаюсь, бреду туда, где заходится аппарат, снимаю трубку, подношу к уху, нервно накручивая провод на палец.

— Алло...

— Здравствуйте, это Пётр Викторович...

— Пётр Викторович? — я усиленно припоминаю знакомых с таким именем.

— Вы же Александра Павловна Урусова?

— Да...

— Так вот, я лечащий врач вашего дедушки... Павла Семёновича...

Это действует, как холодный душ. Да что там — как ушат ледяной воды. Аж плечами передёргиваю, норовя её стряхнуть.

— Да... Что с ним?

Связь, как назло, рвётся, в трубке — шипение и помехи, но я различаю:

— Стало хуже... на аппарате... всё плохо...

Бросаю трубку, не дослушиваю, потому что меня шарахает осознанием: Демидов начал мстить и ударил по самому больному!

Глава 3. А кто в чём виноват?

Но сейчас я не позволяю себе раскисать. Наоборот, быстро мобилизуюсь, стряхиваю с себя оцепенение и бегу искать бабушку. Нахожу её на кухне у раковины, полной грязной посуды.

Бабушка, в отличие от меня, уже успела переодеться, и снова вся в делах и заботах.

Увидев меня, она всплёскивает руками, роняет тарелку, та бьётся вдребезги.

— Сашка! Ты чего? На тебе лица нет!

Она кидается ко мне, обнимает, стягивает у меня на груди разорванный лиф.

— Прости меня, девчонка, — со всхлипом говорит она, — отдала тебе ироду. А он, теперь, поди, деньги назад отзовёт.

Машу рукой:

— Чёрт с ним и с его деньгами, ба. Меня он не тронул. Только платье и порвал. Дело не во мне, — и, собравшись с духом, выдаю главное: — Дедушке плохо... его доктор звонил.

Теперь уже бледнеет бабушка, оседает на табурет, хватается за грудь.

Ой, только бы ей ещё плохо не стало! Только не бабуля моя!

— Думаешь, этот басурман лапу приложил? — бабушка кивает за окно, где некогда красовались иномарки моего покупателя и его сопровождающих.

— Не исключено, — грустно контактирую я. — С него станется.

— Значит, не тронул он тебя? — интересуется она.

— Не тронул, — отзываюсь эхом.

— И то хлеб, Сашка. Хоть позора бесчестия на тебе нет. А деда вытянем. У меня от беды совсем мозг поплыл. Забыла я про шкатулку, которую мой Семёныч дарами наполнял. Кольцо, что у тебя, колье жемчужное, серьги — это лишь малая толика. Мы, Сашка, с тобой и сами олигархи. Щаз поедem в город, в ломбард. К другу моему старому, Израилю Бройману. Денег выручим. Выдюжим, Санька, не горюй. — И плюёт три раза через левое плечо: — Тьфу, Карпыч, бес проклятый! Совсем меня попутал!

Анатолий Поликарпович Седых — наш глава, только в народе его все Карпычем или, вовсе, Карпом зовут. За уныло-рыбье выражение лица. И сейчас он явно встанет у меня перед глазами, и так и вижу, как бабушку обхаживал и уговаривал. Небось, сам корысть имел. Но сейчас не о нём речь. Бабушка права — надо срочно ехать в город.

— Так давай собираться. Василия попросим — он отвезёт. А с близняшками тётя Оля посидит.

Бабушка вздыхает и встает с табурета:

— Идём, детка.

В моей комнате бабушка помогает мне раздеться, костеря Демидова за то, что тот платье изувечил.

— Ну, ничего, — утешает она сама себя, — тут зашью, тут заделаю, тут вставку подгоню. Лучше прежнего будет.

— Конечно, будет, — чмокаю её в морщинистую щёку. — Ты ж у меня волшебница...

А потом вспоминаю, как Демидов обзывал бабулю ведьмой, и понимаю, что я недалеко от истины.

Быстро переодеваюсь в свою любимую длинную серую льняную юбку с широким кружевом по подолу, лёгкую блузу в народном стиле, заплетаю волосы в косу, хватаю сумку — она у меня плетённая из соломки — и, сунув ноги в кожаные коричневые балетки, выбегаю во двор.

У ворот уже нас ждёт Василий на своём УАЗике.

Бабушка устроилась рядом с ним, на пассажирском сидении, а я забираюсь назад.

Успеваю заметить, что на коленях бабушка держит деревянную шкатулку, свою сокровищницу, как в детстве я её называла. И мне жаль немного вещицы, которые там. Ведь некоторые самой бабушке в наследство достались от её бабушки — дочери тех самых ссыльных революционеров, чья кровь, порой, даёт о себе знать и во мне.

Прыгая по ухабам нашей убитой в хлам дороги, Васькин УАЗ несёт нас в сторону города. Но проехать мимо поселковой администрации никак не получается — путь только один. А здесь нас уже ждут.

Карпыч едва ли не наперерез машине бросается.

— Стой! Стой, окаянные! — орёт и руками машет.

Васька тормозит.

Пухлое красное лицо поселкового главы появляется в окне.

— Урусовы! Стервы! Вы что ж это натворили, а? Мне сейчас от губернатора звонили! Теперь проверками замучают, инспекциями... А в школе водопровод не доделан. В столовой, где наших аграриев потчуют, новое кухонное оборудование не завезено... Ой, что будет?! Ты, Санька, совсем там в своём городе охренела! Родное село не ценишь? Не могла что ли ноги перед этим богачом раздвинуть, а?

Я сжимаюсь в комок от его обвинительных речей, а главное от той истерики, что сквозит в голосе бедняги... Низко мстит Демидов. Грязно. Знает же, что финансирование в селе — с гулькин нос. Наш Карпыч всё пороги районной администрации обивает, но и там ответ один: «Денег нет, но вы держитесь». А штрафы на него выписывают. Проверяющим службам и дела нет до того, что все недостатки давно были бы устранены, если бы все проекты финансировались нормально. Но Карпыч у нас честный, откаты не признаёт.

Из-за этого мне особенно стыдно и обидно. Знаю же, что бьётся он, как рыба об лёд. Потому и ухватился за такую гадкую идею, как продажа моей девственности. Это он не со зла, а от отчаяния, как и бабуля.

Я вздыхаю.

А бабушка показывает Карпычу свою сокровищницу.

— Не переживай, Анатолий, прорвёмся, как молодёжь говорит. Сейчас золотишко продам — и тебе на водопровод будет.

Карпыч утирает слезу.

— Золотой ты человек, Никитична, — говорит он. — Пущай бог тебя хранит. И прости, что на внучку твою наорал. И ты, Санёк, — уже ко мне, — прости.

Киваю:

— Ничего страшного. Я понимаю. Вы же не со зла.

— Здоровья вам, и Семенычу скажите, чтоб поправлялся скорее. А то мне на рыбалку не с кем...

Наконец, отпускает нас, и мы мчимся в город.

Сначала бабушка просит остановить возле лавки своего знакомого — Израиля Исааковича Броймана. Я удивлённо оглядываю заведение, в котором мы оказываемся. Столько лет прожила в городе, а о том, что здесь самая настоящая лавка старьёвщика есть, и предположить не могла. Впрочем, бабушка с дедушкой делали всё возможное, чтобы я не думала, откуда берутся деньги и уж точно не бегала по ломбардам.

Сейчас старый еврей, которого окружают настоящие антикварные диковины, с важным видом рассматривает всю, выложенную бабушкой на стол, ювелирку.

— Дореволюционные вещи, говоришь, — уточняет он. Бабушка кивает, а ростовщик называет цену в три раза ниже той, которую действительно стоит отдавать за эти вещи.

Бабушка препирается довольно долго. Там одно кольцо из червонного золота с огромным рубином тянет в два раза больше, это даже мне понятно.

Спор наконец угасает: они всё-таки сходятся в цене. Конечно, бабушка погорячилась, когда обещала с этих денег ещё и Карпычу помочь, но на лечение дедушке точно хватит.

И теперь уже мы мчим к больнице, довольные собой и почти счастливые. Однако есть у нас одно семейное проклятье — нельзя нам радоваться. И радость, действительно, тут же слетает, когда у подъезда больницы замечаем знакомые иномарки, а из дверей клиники выходит Демидов в сопровождении главврача...

Мне хочется выскочить, набросится на него и расцарапать эту красивую самодовольную рожу. И я уже даже делаю попытку выбраться из машины, но Василий удерживает меня.

— Сидеть! — неожиданно строго рявкает друг, и я падаю обратно. — По-моему, мы все и так с ним дров наломали. Не нужно усугублять ситуацию.

— Вась! Ты чего?! — возмущаюсь я. — Ты же сам Карпыча слышал. Ему уже от губернатора позвонили. А меня доктор дедушкин ошарашил тоже после отъезда этого Демидова!

— Это вовсе ничего не значит, — говорит Василий, глядя на меня сурово, — просто черед совпадений. В администрации губернатора, скорее всего, началась череда плановых проверок подготовки к осенне-зимнему сезону, а доктор позвонил, потому что дедушке, тьфу-тьфу, конечно, стало хуже.

— Но Демидов же вон! — указываю на этого супостата, который сейчас садиться в одну из машин.

— Какая разница, Саш! — это уже вклинивается бабушка. — Я вот с Васей согласна: мы тут сидим, придумываем, накручиваем, а всё может и совсем не так быть.

— А как? — взвиваюсь я, зло глядя на то, как Демидов и его поделщики спокойно отъезжают от клиники. Пронесаются мимо нас, не обратив внимания. И я бы хотела, что так же Демидов исчез и из моей памяти: вжух — и нету! Как фея волшебной палочкой махнула. Но у нас не сказка, а реальная жизнь.

— Вот пойдём и проверим, — предлагает бабушка, выбираясь из машины.

Предательница. Как быстро на Васькину сторону переметнулась! А недавно разделяла мою версию — Демидов во всём виноват!

Но сейчас бабушка, не оглядываясь на меня, спешит в клинику, а я, едва ли не путаясь в длинной юбке, семеню за ней.

У входа мы настигаем главврача, и бабушка тут же принимается его обихаживать.

— Любезнейший! Уважаемый! Тут у вас в больнице супруг мой недужит. Можно мне с вами на счёт него словом перекинуться? — бежит следом за длинноногим доктором, в глаза ему заглядывает. Я стараюсь поспевать следом и слушать внимательно.

Доктор чуть приостанавливается, внимательно смотрит на бабушку, а потом, словно до него только дошло, что именно она ему предлагает.

— Вы никак, гражданочка, взятку мне всучить хотите? — говорит, а в низком голосе — злость и сталь. Вон, аж лысина у самого вспотела, так волнуется.

— Боже упаси! — показательно крестится бабушка. — Что вы! Чисто вознаграждение. За труды! — и лезет в сумочку, куда сложила вырученное у Броймана.

Врач аж подпрыгивает на месте.

— Да что вы себе позволяете! А ну идёте в кабинет! И кто лечащий у вашего мужа?

Вклиниваюсь в беседу:

— Лечащий врач говорил со мной. Он не представился. Вернее, звонил на домашний. А связь у нас плохая. Срывалась и помехи были.

Доктор хмурится, прячет руки в карманах. Открывает дверь, пропускает нас обеих в кабинет.

Обходит стол, снимает трубку с огромного аппарата, набирает внутренний номер. Пока не прошло соединение, отодвигает трубку от уха и спрашивает:

— Как фамилия и какое отделение?

— Урусов Павел Семенович, кардиология. Сердце у него, — поясняет бабушка.

Главврач кивает и говорит уже в трубку:

— Машенька, узнай мне в какой палате в кардиологии у нас Урусов Павел Семенович и кто у него лечащий? Да, буду очень благодарен. — Он отбивает звонок и переводит на меня тяжёлый пронизательный взгляд (хирург, не иначе, решаю я, как скальпелем вскрывает). — А вы, гражданочка, попробуйте вспомнить, что именно говорил вам наш сотрудник.

Подбираюсь, теряюсь под его тяжёлым взглядом. Он напоминает мне нашего профессора по общей библиографии. Тот смотрел так же пронизывающе.

— Говорю же, — лепечу я, — помехи были сильные на линии. Толком расслышать ничего не удалось. Только что состояние ухудшилось и что всё плохо.

— И поэтому вы решили, что нужно хватать все, что есть сбережения и мчаться в больницу — жизнь вашего родственника у судьбы выкупать?

Мне вдруг становится мучительно стыдно. Не расскажешь ведь чужому человеку о Демидове, параллелей не проведёшь. Ёжусь, сжимаюсь в комок. Бабушка похлопывает по руке, бледно улыбается — подбадривает, значит.

В это время раздаётся звонок.

— Стешин, хорошо... — говорит главврач, должно быть, обращаясь к той самой Машеньке. — Зови его сюда.

Вскоре в кабинет врывается худощавый невысокий человек средних лет.

— Алексей Дмитриевич, — грозно обращается к нему главный, — вы что ж это заведение позорите и у честных граждан деньги вымогаете, а?

Лечащий нашего дедушки аж подсказывает на месте.

— Откуда такие сведения?

— А вот, полюбуйте, — главврач указывает на нас, — гражданки Урусовы. Собрали все кровные и явились после вашего звонка за родственника благодарить... — на слове «благодарить» он делает ошутимое ударение.

Кардиолог поворачивается к нам, безошибочно находит меня:

— Вы же Александра Павловна? — киваю, хотя дурное предчувствие буквально разъедает. — Так я же вам ясно сказал: было ухудшение, но сейчас всё не так плохо.

Вздыхаю. Гадские помехи, которые сожрали «не так». Рядом облегчённо вздыхает бабушка.

— Так что же, моему Пашке лучше?

— Ещё как лучше! — улыбается кардиолог. — Скоро домой приедет. Бегать будет.

— Да, — поддерживает его главврач, — а у нас тут буквально вот-вот посетил один обеспеченный человек... Ну и оказал солидную спонсорскую помощь.

Тут до меня доходит, кто этот спонсор. И вновь становится стыдно.

Глава 4. А теперь, душа-девица...

Надежда Ивановна просит меня выйти на работу даже раньше, чем я ожидала. И это к лучшему. Потому что, несмотря на то, что дедушка пошёл на поправку, события последних дней не отпускали меня. А работа с любимыми книгами поможет отвлечься, погрузит в дорогой для меня шуршаще-сказочный мир.

Я буквально выросла в библиотеке, но каждый раз переступая порог книжного храма, испытываю странное волнение. Кажется, прикрой глаза — услышишь тысячи шепотков. Это книги зовут тебя. У каждой — свой голос: нежно-мелодичный у сборников стихов, строго-профессорский у словарей и энциклопедий, страстно-экспрессивный у любовных романов, шипяще-жуткий у мистических историй... Различать голоса книг — это вовсе не фантастика и сверхспособность. Просто для меня каждая книга живая. Нет ничего страшнее зрелища, чем то, когда книге отрывают обложку, перед тем как отправить на макулатуру. Жестокая и бесцеремонная казнь книги.

Вот и теперь переступаю порог и замираю. Книги тоже замирают на полках, замолкают, настораживаются. Будто зверьки, которые обнюхивают чужака.

Заметив меня, Надежда Ивановна расплывается в улыбке:

— Ну что же ты застыла, Сашенька. Мы давно тебя ждём, — она обводит рукой книжные стеллажи. — Тут — твой дом и твои друзья.

И книги оживают, начинают говорить-говорить-говорить, наперебой. Приветствуют, поздравляют, просят в руки.

Я прохожу за кафедру, вешаю сумку на спинку стула и понимаю, что мне хочется делать это изо дня в день. Сердце наполняет то ликование, которое мы чувствуем, когда обретаем дело всей жизни.

Надежда Ивановна права: это — мой дом, и я хочу здесь жить.

Работы оказывается много, и она тут же поглощает меня с головой. Я не виню старенькую заведующую за небрежно заполненную тетрадь статистики, за то, что книги расставлены не по отделам ББК,[1] заголовки выставок давно выцвели и измялись. Она, банально, ничего не успевала в силу возраста и одолевающих болезней. Для того и есть молодая смена, то есть я, чтобы вдохнуть в сельскую библиотеку новую жизнь.

И вдохнуть я принялась сразу. Сначала нужно всё проветрить и обеспылить. Затем можно и более творческим заняться: например, нарисовать новые заголовки выставкам.

Надежда Ивановна рядом со мной и сама помолодела. Начала делиться секретами мастерства. Например, что в её время, когда цветной бумаги было не достать, буквы для заголовков вырезали из старых цветных журналов. Мне эта идея очень понравилась да и списанных журналов обнаружилась целая кipa. И закипела работа в нашем кружке «Умелые ручки».

Вырезая литеры, делюсь с Надеждой Ивановной идеями.

— Хочу мероприятие для детей провести. Квест по сказкам. Локации разобьём до самого озера. В завершение ребяшня сможет искупаться и потом попить чаю со сладостями на берегу.

— Фантазёрка ты, Сашенька, — ласково пеняет мне пожилая заведующая. — Словес, вон, умных ненашенских понахваталась, а практики и практичности — ноль! За какие шиши чаепитие собираешься устраивать?

— Да хоть бы и за свои! — вскидываю голову. — На первых порах.

— Ой, Сашка-Сашка... Эта первая пора потом никогда не закончится. Только начни. Потом всё так и будешь делать за свои...

Расстраиваюсь, что реальность так жестко и в самом начале подрезает крылья. Но квест провести мне очень хочется. На практике в областной библиотеке они у меня просто замечательные выходили.

Возможно, наш разговор перекинулся бы на темы и вовсе нелицеприятные, но нас прерывают...

На пороге появляется Митька Старостин, главный бандит нашей девятилетки. Чуть отдышавшись от быстрого бега, мальчишка окидывает помещение библиотеки таким взглядом, каким, должно быть, чёрт смотрел бы на церковь. От вида книг его явно передёргивает. Но вот он замечает меня и едва ли не подпрыгивает от радости:

— Александра Павловна! Вас-то я и искал! Вас там у Карпыча спрашивают!

— Кто? — интересуюсь, а сердце ёкает от дурного предчувствия.

— Откуда ж я знаю? — разводит руками мальчишка. — Мимо пробежал, меня окликнули, велели вас найти и в администрацию направить. Я с ног сбился, пока нашёл. Никогда не подумал, что вы здесь!

Ну конечно, Митька из тех, кто и не предполагает, что на свете есть такое учреждение как библиотека.

Но я не обижаюсь. Откладываю ножницы, встаю, беру сумку и говорю Надежде Ивановне:

— Я мигом.

— Иди-иди, — добродушно говорит она, а сама приобнимает Митю за плечи: видимо, кого-то ждёт профилактически-разъяснительная беседа.

От библиотеки до администрации и впрямь недалеко — всего полквартиры. У нас село маленькое, тут всё близко. Дорогой меня снедает любопытство: что могло понадобиться от меня Карпычу?

По лестнице на второй этаж буквально взлетаю, открываю дверь и замираю, занеся ногу за порог. Обоняние ощущает уже знакомый терпкий парфюм — что-то древесное, свежее, цитрусовое. Слух улавливает низкий раскатистый бас с красивыми бархатными вибрациями. А взгляд... он натывается на другой — холодный, насмешливый, пронзительный... Взгляд ярких синих глаз.

И, встретив его, я пячусь назад.

Но уйти мне, разумеется, не дают.

Анатолий Поликарпович поднимается из-за стола и идёт ко мне, всем своим видом показывая крайнее радушие. Будто дедушка. Того и гляди обнимет и по спине потреплет.

— Александра! Как хорошо, что вы пришли! — восклицает он, рукой показывая мне: проходи, мол, не стесняйся. Располагайся поудобнее, смотри, как я тебя продавать буду.

Разумеется, я не говорю всё это вслух, но через порог всё-таки перешагиваю: совсем не хочется, чтобы вся администрация слышала, о чём здесь пойдёт речь. По селу уже ползут шепотки. На каждый роток ведь не накинешь платок. Поэтому я дверь даже за собой закрываю: так-то лучше, хоть и ощущаю себя так, будто сама за собой выход из клетки с хищником захлопнула.

А хищник, судя по физиономии, доволен. Вон как скалится! Едва слюна с клыков не капает.

Но я не намерена тут антимонии разводить — меня ещё недоделанные выставки ждут. О чём и заявляю.

— Постарайтесь покороче, — резюмирую я.

— А это будет от вас зависеть, Александра Павловна. Как договоримся, — ехидно замечает Демидов, продолжая нагло рассматривать меня. И взгляд такой — тяжёлый: будто одежду с меня стягивает и касается голой кожи. Только вот... это не неприятно, как хотелось бы. Это волнительно, чего не хочется совсем. И да — мне приятно, что называет по имени-отчеству, а не безликим «сладкая», как в тот вечер.

— Не стану я с вами ни о чём договариваться, — вскидываю нос.

Он ухмыляется.

— Помнится, раньше вы были против того, что о чём-то, касающемся вас, договаривались без вас...

— Просто у нас с вами, Иван Сергеевич, нет предмета для обсуждения.

Карпыч тем временем, глупо улыбаясь, по стеночке, даже не уходит — утекает из кабинета. Видать, не хочет больше быть причастным к чему-либо между мной и Демидовым.

Когда дверь за главой закрывается, Демидов, смерив меня взглядом, достаёт газету, расправляет её на столе и говорит:

— Полюбуйтесь.

Хоть и с опаской, но всё же подхожу к столу. Крепко, как щит, как охранный оберег, прижимаю к себе сумочку. Смотрю на статью. Вернее, это не статья даже — скорее, комментарии под фото. А сам снимок — эпичен: Демидов удирает от злобного Федосея. Петух снят в полёте, аккурат, когда клюёт пятую точку нашего богатея. Заголовок крупными буквами гласит: «Игры олигархов».

Читать этот опус у меня нет никакого желания, хотя заметка небольшая. Куда интереснее кто и как сфотографировал Демидова?

— Не ознакомитесь? — интересуется он, чуть склонив голову набок и рассматривая меня, как дикувинку в цирке.

— Нет, — мотаю головой, — у меня аллергия на статьи в жёлтой прессе.

— У меня, представьте, тоже, — зло говорит Демидов. — А особенно — на такие.

У меня глаза на лоб лезут.

— То есть, вы меня вините, что стали героем этого пасквиля? Я вас заставляла приезжать сюда и заявлять о «праве первой ночи»?

Я вижу, как Демидов подбирается весь. А сквозь бронзовый загар на высокой скуле проступает румянец. Ему что — стыдно?

Демидов опускает глаза и произносит очень тихо:

— Вы правы. Вашей вины в случившемся нет. И хотя я повёл себя не очень корректно по отношению к вам — смею сейчас рассчитывать на вашу помощь.

Вот как мы заговорили! Сама вежливость! А где же «пляшите», «потешьте», «я за тебя заплатил»... Только я теперь не верю и на манипуляции не поведусь. Но узнать, какой именно помощи от меня ждут, не помешает.

— Смотря, в чём она будет заключаться, — уклончиво отвечаю я.

— Вы выйдете за меня замуж? — ошарашивает он.

Я аж закашливаюсь.

— Вам не кажется, что для этого люди должны знать друг друга чуть получше. Конфетно-букетный период там... И вообще, девушка имеет право подумать и отказаться...

Демидов смотрит на меня в упор, видимо, взвешивает то, что собирается сказать:

— Всё это нужно, если люди собираются связать свою жизнь навсегда. У нас же будет фиктивный брак. Для прессы. Достаточно продержаться полгода. А потом мы так же показательно разведёмся. Разумеется, вы получите хорошие отступные...

Горько усмехаюсь:

— Снова покупаете? На нормальные чувства вы не способны... Смелости не хватает — любить девушку, покорять, добиваться...

— Времени, — с неожиданной горечью отвечает он. — Нужно как можно скорее погасить этот скандал в прессе. Он бьёт по репутации, по бизнесу...

— Разве может что-то ударить по торговле золотом? — удивляюсь я.

— Может... Чем выше ты взлетаешь, тем чище должна быть репутация...

— Вам не кажется, — говорю я, — что о репутации следовало думать раньше?

Он шарахает кулаком по столу:

— А ну молчать! Будет всякая пигалица меня учить и морали читать!

Я аж подпрыгиваю на месте и начинаю часто моргать: когда на меня орут — невольно начинаю плакать. От крика и несправедливых упрёков мне всегда больно делается, невыносимо просто.

— И нюни мне здесь не распускай! — всё так же грозно ворчит Демидов. — Отвечай: поможешь или нет?

— Нет! — выпаливаю я.

— Ну что ж, — говорит он, медленно поднимаясь во весь свой огромный рост, — я хотел по-хорошему. Но по-хорошему ты не понимаешь. Будем по-плохому.

Он хватает меня, запрокидывает через локоть и, нависнув, впивается в губы диким злым поцелуем. И одежду при этом комкает, мнёт, тянет. Ткань вот-вот треснет.

А спасения ждать неоткуда.

Мычу ему в губы, ужом вьюсь, кулаками колочу. Только враг силен, и где мне, слабой пигалице, такого одолеть, побороть? Понимаю, что не высвободиться, что мои попытки лишь сильнее заводят его — ишь, уже не целует, пожирает прям, — и беспомощные слёзы текут по щекам, прожигают дорожки, солят наш поцелуй...

Ведь если он сейчас меня на стол опрокинет и ноги мне раздвинет, я могу хоть на всю администрацию орать, никто не прибежит. Карпыч потом руками разведёт, на социальную несправедливость посетует...

За что мне? За что?

Наверное, сжалилась надо мной всё же Вселенная — Демидов вдруг прерывает свой поцелуй-пожирание. Чуть отстраняется, упирается лбом в мой лоб, дышит тяжело.

— Совсем ты меня с ума свела, — говорит тихо и как-то горестно, — не ведаю, что творю.

А меня всю трясёт, натурально колотит.

— Отпустите, — прошу жалобно.

Но он вместо этого лишь прижимает к себе сильнее, пальцами в волосах путается, нежно-нежно так.

— Не пущу, пока не выслушаешь... Я ведь не такой.

— Какой такой?

— Я не беру женщин силой. — С этими словами он не только меня отпускает, но ещё и отходит подальше, садится вновь на стул, который опасно скрепит под его массой. Ерошит тонкими пальцами золотистые кудри и бормочет, не глядя на меня: — Конечно, ты мне не веришь теперь. И я бы не верил. Но это только с тобой так. Я тебя как на экране монитора увидел — так и пропал. Нырнул в твои глаза зелёные — и как в лесном омуте сгинул. Только о тебе все мысли и были. Поэтому и ввязался в эту пакость с правом первой ночи.

Говорит быстро, частит, видно не привык к таким пространственным объяснениям. А только на короткие рывканья-команды способен. Но объясниться нужно.

Нам обоим. Потому что у меня медленно проходит дрожь и возвращаются дерзость и свободолюбие. Я отныне его и близко не подпущу.

— Это вы так, богатые, развлекаетесь? — спрашиваю, надеясь, что ехидно.

— Некоторые — да. Я никогда раньше. А в тот день — то ли чёрт попутал, то ли ангел позвал. Заглянул в офис к другу, Денису Артёмину, а они в компьютере девушек просматривали. Я тогда и значения не придавал. Ну мало ли — молодые мужики на тёлочек таращатся. Нормально же. Только тут Денис тебя на экран вывел, и я обомлел. Стоял, смотрел и взгляд отвести не мог. Тут меня, олуха, в сети и поймали.

— В смысле? — хлопаю глазами.

— В игру эту с правом первой ночи, — он сопит натужно, видимо, признания такие нелегко даются. — Парни как увидели, что ты меня зацепила и давай уговаривать: мол, забава такая, как в былые времена. Только всё добровольно. И все довольны — девушки получают

солидные деньги, мужчины — удовольствие. Я даже съездил потом пару раз с ними, увидел, что девушки действительно сами соглашались. Ты ведь тоже согласилась. Почему кстати?

Вскидывает голову, смотрит пытливо.

А что? Я скажу, мне-то, как раз скрывать нечего.

— У меня дедушка заболел. Сердце прихватило. Деньги на лечение нужны были. А откуда нам с бабушкой в нашем селе их взять? Вот и согласилась.

Демидов закрывает лицо руками и издаёт то ли мучительный стон, то ли сдавленный рык.

— Какая же я мразь! Тошнит от самого себя...

Это хорошо, только не в моём присутствии, говорю мысленно, мне сцены с курятником хватило.

Спрыгиваю со стола, оправляю одежду, как могу, собираюсь уйти, напоследок бросаю ему:

— Надеюсь, это последняя наша встреча была. И вы меня больше не потревожите?

Он поднимается, но подходить не спешит. Знает, что неприятен.

— К сожалению, Саша, потревожу, — говорит, наконец. — Понимаю, что ты обо мне сейчас думаешь, но мне действительно не к кому больше обратиться за помощью. Да и появление любой другой женщины сейчас рядом со мной только усугубит ситуацию. А так скажем прессе, что мы женимся, и у нас такие ролевые игры. Кому какое дело, чем двое друг с другом занимаются...

Мотаю головой.

— Иван Сергеевич, прошу вас, умоляю, хотите на колени встану...

Тут он дёргается в предупреждающем жесте:

— Не надо на колени. Это я должен. И прощения у тебя вымаливать. А я — о помощи прошу. Пожалуйста, Сашенька.

И собирается на колени рухнуть.

Вскрикиваю, вскидываю ладонь:

— Прекратите! Не вздумайте!

Он в спинку стула до побелевших костяшек впивается.

И я вижу, что человеку взаправду плохо, действительно раскаивается — вон, покраснелся весь, глаза горят и так и норовят спрятаться.

Ему стыдно, и что делать не знает.

А я не стерва, я слишком даже сострадательная, как бабушка говорит. Тем более что вреда существенного Демидов мне до сих пор не причинил. Злиться мне особенно на него не за что. За глупость свою он себя и сам вон как корит.

Поэтому вздыхаю и говорю:

— Полгода, значит? — Он кивает. — Я согласна, но...

Демидов удивлённо вскидывает вверх тёмно-золотые брови.

— Но?

— Именно. Я настаиваю на конфетно-букетном периоде.

— Хорошо, — соглашается он, — только у нас максимум неделя на всё про всё.

— Ну, хоть так, — произношу я.

Он довольно лыбится:

— А ты с зубками. Мне это нравится. Люблю котят с характером. Их интереснее драконить.

Я задираю нос и фыркаю истинно по-кошачьи.

Ну что ж, драконь, только не задрakonивайся.

Ловлю себя на том, что мне нравится эта его слегка плотоядная улыбка, и поспешно отвожу взгляд.

[1] **Библиотечно-библиографическая классификация (ББК)** — национальная классификационная система России. Применение ББК и других классификационных систем в России регламентируется рядом Государственных стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу.

Глава 5. А давай по-честному?

Иван, видимо, чтобы удобнее было проводить в жизнь наш конфетно-букетный период, остаётся в селе. Карпыч его к себе затаскивал: мол, дом большой, места всем хватит, но Иван упёрся рогом и сказал, что намерен жить неподалёку от своей невесты.

— В курятнике? — ехидничаю я, услышав предположение.

Закрываю рот рукой и тихо хихикаю.

Иван прожигает меня злым взглядом. Наверное, будь у нас фэнтези, а он — драконом (а что, очень похож!), от меня бы осталась горка пепла.

Но отвечает он совершенно спокойно:

— Боюсь, ваш зверь, который там за главного, на такие жертвы не пойдёт и делиться не станет.

Усмехаюсь:

— Это точно. Федосей у нас единоличник.

— Федосей, значит, — таинственно произносит Иван. — Отлично, врага надо знать по имени.

Что же касается жилья, то чёрт меня дёргает за язык предложить Василия.

— Это типа жених твой?

— Он — мой друг! — поправляю, гордо вскинув голову. — И на моей лучшей подруге был женат.

— Ну что ж, веди к этому своему другу.

И я веду.

До машины — поблёскивая серебристым боком, огромный внедорожник красуется неподалёку от администрации.

— Ты сам за рулём? — не помню, в какой момент перехожу «на» ты, а в мыслях начинаю называть его «Иваном».

— Да, люблю сам погонять, — он галантно открывает дверь со стороны пассажирского сидения, я забираюсь в кресло и накидываю ремень безопасности. За что получаю одобрительный взгляд.

— А я считала, что олигархи ездят только с водителями.

— В основном, — соглашается Иван, — но тут вопрос чересчур щепетильный. Мне нужно выяснить, где у вас тут скрывается тот партизан, что слил снимки в газету.

Вот и я бы хотела знать. В тот вечер находилась в таком раздрае, что вообще не помню, кто там был в гостях. Вместо лиц — смазанные картинки. Думаю, бабушка так же. Не о том мы тогда думали. Этим доморощенный папарацци и воспользовался.

Подъезжаем к дому Василия, я прошу Ивана пока что остаться и решаюсь сама уговорить друга.

Едва вхожу в сени, как на меня налетают два урагана.

— Тётя Саня пишла! Тётя Саня! — вопят они.

На крики детворы из кухни высовывается Василий, в фартуке, перепачканном мукой.

— Санька! — радуется он. — Садись, рассказывай...

— Да рассказывать особенно нечего, — некстати всплывает поцелуй на столе Карпыча и щёки мгновенно вспыхивают. — Но дело вот есть... Тут понимаешь, Иван... Он...

— Иван? — морщит лоб мой друг.

— Ну, Демидов! — подсказываю я, но понимания в глазах Василия прибавляется не особо. — Ну, олигарх же! — напоминаю.

— Аааа, — как-то насторожено тянет Василий. — А с каких пор он у тебя уже Иван?

— С некоторых, — огрызаюсь я. — Он меня замуж позвал, а я согласилась.

Василий пощёривается:

— Серьёзно, что ли? Прямо замуж?

— Прямо замуж! — передразниваю я. — Фиктивно. На полгода.

— Снова игры? Ой, Сашка... Нет на тебя Любани моей, она бы тебе мозги вправила.

— Не игры, Вася, договорённость. Взаимная. Я сама согласилась.

— Зачем?

Краснею и прячу лицо в ладонях, мотаю головой.

— Не знаю...

— А вот я — знаю! Знаю, что если этот урод что-то тебе сделает, я его из под земли достану и грохну. А на том свете Любани встретит, из Рая отпросится, и скалкой его так приложит!

Замечательные у меня друзья. От осознания, что они есть, душу заполняет тепло.

— А ко мне зачем пожаловала? — интересуется Василий, вытирая руки передником.

— Ивану нужно остановиться в нашем селе на неделю. Хочет, быть ко мне поближе. Приглядывать за мной.

— Правильно, — соглашается Василий, — а мы за ним. Зови своего олигарха. Заселять будем.

Когда я спархиваю с крыльца, встречаю полный тревоги взгляд Ивана. Он стоит, опираясь о капот машины, сложив руки на широкой груди, ветер играет золотистыми кудрями, и я залипаю на миг, залюбовавшись совершенной, очень мужской, чуть холодноватой красотой. Наверное, так выглядели боги, когда спускались на землю. У простых смертных точно не может быть настолько синих глаз.

Заливаюсь краской до корней волос и тихо ойкаю.

— Что-то случилось? — взволновано спрашивает он, и бархат в низком, чуть хрипловатом голосе ласкает, укутывает и...смуцает ещё больше.

— Ничего, — опускаю голову, чтобы скрыть вспыхнувшие щёки. — Иди. Василий тебя ждёт.

Иван проходит мимо, обдавая меня запахом своего невозможного древесно-цитрусового парфюма. Когда мы едва ли не соприкасаемся, я прикрываю глаза. И лишь когда шаги Ивана затихают у меня за спиной, отмираю и юркаю следом.

Василий встречает гостя с истинно русским гостеприимством: достаёт из подпола бутылку, в которой плещется мутноватая жидкость.

— Ну, садись, постоялец, к столу, — говорит он, — сейчас прописывать тебя будем.

Друг подмигивает мне, я улыбаюсь ему и со спокойной совестью иду домой.

Дворы у нас с Василием — забор в забор. И прописка явно удалась. Об это свидетельствует многократное исполнение дурными голосами любимого народом хита: «Мы идём с конём по полю вдвоём...»

Короче, парни спелись. Буквально.

Только вот слушатели не рады.

Бабушка ворочается и ворчит:

— Да чтоб вы скисли, окаянные!

Не сплю и я: смотрю в потолок, считаю трещинки в полумраке и думаю о том, предполагает ли фиктивный брак интим. Потому не уверена, что в следующий раз откажусь...

... я занимаюсь расстановкой книг по отделам ББК. Для кого-то — скучнейшее занятие. А для меня — наслаждение. Нравится, когда книги обретают упорядоченность, в них словно появляется особый смысл. От этого важного занятия меня и отрывает запыхавшийся Карпыч.

— Сашка! — орёт он с порога. — Иди, уйми своего женишка! А то больно хорохорится!

От громкого вскрика сельского главы я подпрыгиваю на месте, а Надежда Ивановна роняет лейку, из которой поливала немногочисленных зелёных обитателей библиотеки — кротон, монстеру и фикус.

— Зачем же так кричать-то, Анатолий Поликарпович, — пеняет она. — Разве вы не знаете, что в библиотеке должно быть тихо?

Глава машет рукой.

— Не до церемоний мне, Ивановна. Там этот Демидов уж чересчур бурную деятельность развил.

И выкладывает свою беду-огорчение: оказывается, деньги, «заплаченные» за меня, Иван не только не отозвал, а оставил, ещё и добавил и пустил на программу «Развитие села». Только вот решил заняться её проведением в жизнь лично.

— Бедную бухгалтершу нашу, Зою Яковлевну, — жалуется Карпыч, — загонял совсем. Она уже пятый раз смету переделывает. А женщина в возрасте, между прочим, ей ещё домой надо — внуки, свиньи, огород. А твой этот никак в толк не возьмёт, что даже с его «спонсорской помощи» я должен заложить «откаты». Потому что оно как: не помажешь — не уедешь. Нет же, не поленился. Пошёл в школу, обмерил всё, нашёл в интернете нужные трубы и прочие расходники. И теперь орёт на нас, что мы ему железо по цене золота и крыла от самолёта считаем. — Глава печально вздыхает. — Санёк, будь другом. Сходи, угомони его прыть. Он же уедет в свои столицы, а нам здесь жить и с этой администрацией работать.

Я мотаю головой:

— Извините, Анатолий Поликарпович, но не пойду. Это деньги Ивана, и его дело, как их трать. Хочет — «на право первой ночи», хочет — «на развитие села».

— Ну, Санька! — Карпыч сжимает кулаки, а глаза его — маленькие, глубоко посаженные, почти тонущие в пухлом лице, — злобно сверкают. — Так-то ты добро помнишь?!

Тут вступает за меня заведующая, фыркает, взглядом недобрым главу нашего меряет.

— Окстись, Толя, — говорит, — и бога побойся! Когда ты девочку продавал — то-то о её благе думал, благодетель ты наш.

— Ишь как ты запела, Ивановна, — Карпыч кулаки ещё крепче жмёт. — Ну, ничего, прибежишь ещё на нужды библиотеки кланяться, я тогда-то тебе твои слова и припомню.

Разворачивается и уходит с видом оскорблённой невинности.

Надежда Ивановна вздыхает, провожая его грузную спину и опущенные плечи.

— Гордость и честность, Сашенька, — говорит она с расстановкой, — это, конечно, хорошо. Но, порой, нам приходится чем-то жертвовать. Вот ты сама, например, готова была честью девичьей ради дедушки пожертвовать. Так и Карпыч. Думаешь, ему легко? Он прав — Демидов твой уедет, а с мэром и губернатором ещё работать.

Домой я возвращаюсь невесёлая и пересказываю ситуацию бабушке.

Та спохватывается:

— Я же обещала Карпычу отстегнуть от продажи драгоценностей. Там прилично осталось, как раз на откаты хватит. Пусть Демидова не тревожит. Главное, что тот в помощи не отказал, и водопровод в школе всё-таки будет. Уж столько лет ждали. А остальное... На то мы и село, семья — выдюжим! — приобнимает меня за плечи, а у меня щиплет глаза. Потому что такую семью, как жители нашего села — ещё поискать...

... Отведённая нам с Демидовым судьбой неделя утекает быстро. Но за неё случается столько, что иному на целую жизнь хватит.

Иван удивительным образом умеет очаровывать людей: вот уже и бабушка под его влиянием, и Васька, и Надежда Ивановна.

Наш скромный книжный храм господин олигарх навещает сразу же, как разбирается со сметой по школьному водопроводу.

Оглядывает хозяйственным взглядом покосившиеся стеллажи, «пузатые» полки, облезлую краску на окнах...и сразу же набирает какую-то бригаду. В общем, к обеду того же дня закипает работа. Выползает ещё и проваленный пол, и текущий потолок...

А пока идёт ремонт, Иван предлагает провести в жизнь мою идею с квестом — он и сам загорается, как мальчишка. А как довольна ребятня — не передать! Во время подготовки я часто ловлю на себе взгляды Ивана, такие, что они заставляют меня заливаться краской...

А сама...Нет! Об этом лучше не говорить. Как там гласит народная мудрость: коготок увяз — всей птичке пропасть. Только у меня голова увязла, окончательно и бесповоротно. И что я буду с этим делать — понятия не имею.

Окончательно теряю я свой мыслительный аппарат после квеста, когда мы все, набегавшиеся, набесившиеся и уставшие разбиваем костёр на берегу озера, готовим вкуснейший костровой ужин, а потом Иван расчехляет привезённую с собой гитару и поёт нам до самого рассвета.

Когда первые лучи солнца вплетают немного меди в золото его волос, я понимаю, что влюбилась. По уши. Нелепо. Глупо. Безнадёжно...

На следующий день мы заезжаем в новенькое чистенькое здание. Детвора помогает нам заносить книги, закатывает кадки с цветами и помогает рисовать плакаты и выставки. Что ж, у нас теперь образцово-показательная сельская библиотека. Хоть министра культуры приглашай!

За час до конца рабочего дня Надежда Ивановна начинает отправлять меня домой.

— Тут наш спонсор за тебя очень просил, так что — беги, скорее, домой, приведи себя в порядок да оденься понаряднее. Кажется, сегодня тебя ждёт грандиозный сюрприз.

Дома меня действительно ждёт сюрприз — огромный букет. И хотя растения в нём вроде бы самые простые — ромашки, васильки, маки, колосья пшеницы, «колючки» синеголовника, нежное кружево пастушьей сумки — чувствуется, что поработал дизайнер. Красиво так, что кружится голова.

— Твой приволок, — воркует бабушка и ставит букет в глиняную кринку. Композиция смотрится так органично, что хочется снимать и распечатывать для открыток. — Ты наряжайся давай, — торопит меня бабуля, — Ванька тебя ждёт у старого дуба. Беги, девка, навстречу своему счастью.

И я быстренько обмываюсь, наряжаюсь в лёгкий светло-зелёный хлопковый сарафанчик, обуваю лёгонькие балетки и бегу, как было велено — бабушкой и собственным сердцем.

Едва появляюсь в указанном месте, как замечаю Ивана — он сегодня какой-то таинственно расслабленный.

Однако когда я собираюсь что-то спросить, договорить мне не даёт, подхватывает под ягодицы, поднимает вверх, так, что мне приходится обхватить ногами его бёдра, и вовлекает в поцелуй...

В этот раз я отвечаю — со всем жаром, которым палит внутренности, со всей нежностью, от которой поёт сердце.

Упоительно и сладко.

Он осторожно опускает меня на покрывало, которое расстелено под деревом, и принимается осыпать поцелуями, опускаясь всё ниже и ниже...

Его ладони скользят по моему телу, нежно трогая, осторожно сминая, ласково касаясь...

Он отстраняется на миг и смотрит на меня восторженно-сияющим взглядом.

Потом тянется, срывает травинку, делает из неё колечко и протягивает мне, хрипло шепча:

— Выходи за меня. По-настоящему.

Я глухо лепечу, задыхаясь от счастья:

— Да.

Он надевает кольцо мне на палец. Самое красивое для меня.

Глава 6. Только каменное сердце не болит...

— Стоп! Снято!

Я не сразу вникаю в смысл этих слов. И не сразу соображаю, что изо всех окрестных кустов, пригорков и даже с веток дерева, под которым мы стоим, появляются люди.

И у меня создаётся впечатление, что всю эту неделю эти люди незримо были рядом. А теперь вот решили себя явить.

Один парень — невысокого роста, вёрткий, в красной бейсболке и жёлтой толстовке — подбегает к нам.

— Замечательно, Иван Сергеевич! Очень реалистично получилось!

Иван всё ещё стоит рядом, всё ещё держит меня за руку, но вот только выражение его лица — кардинально меняется. Становится жёстким, циничным, презрительным. Таким, как я увидела его первый раз.

— Что здесь происходит? — мой голос совсем садится от эмоций и сейчас еле слышен.

— Съёмки, — буднично отвечает он, — разве сама не видишь?

— То есть — всё это постановка! И кольцо твоё! — сдираю травяное изделие, рву в клочья и отшвыриваю прочь.

Он усмехается:

— Вот что мне в тебе нравится, Саша, — это твои наивность и вера в людей. А ещё — завышенная самооценка. Ты, правда, считаешь, что я с пол-оборота влюбился в деревенскую пигалицу, у которой ни кожи, ни рожи?

— Какой же ты... — задыхаюсь и не могу подобрать достаточно злых и ранящих слов.

— Ну же — продолжай: гад, мразь, урод, чудовище... Что там ещё есть в твоём арсенале? На глаза наворачиваются злые слёзы.

— За что ты со мной так? — шепчу.

Он фыркает:

— Ты так ничего и не поняла, да? Ты — просто расходный материал. Мы, когда стратегию разработали, сразу решили: другую искать не станем, легенду надо вести до конца. Это реальность, детка. Снимай свои розовые очки, захлопывай свою книгу сказок и спускайся с небес на землю.

Я давлю в себе всхлип, обнимаю себя за плечи, потому что мне внезапно становится так холодно, словно оказалась на улице в декабре.

— Но зачем... — бормочу я... — зачем было всё это? Школьный водопровод, квест, библиотека, песни у костра, цветы?..

— Имидж, Саша, деловая репутация. Кто вспомнит ту дурацкую статейку в жёлтой прессе, когда по центральному каналу покажут, как золотопромышленник Иван Демидов вкладывается в благоустройстве захудалого села... Водит детей в походы... Осыпает свою невесту цветами... Мы будем бить надёжнее — телевидение, интернет. Охват куда больше.

— Это же гадко! — восклицаю я в сердцах. — Тебе же все верили!

— Это и хорошо. Слышала, как сказал мой помощник: вышло очень реалистично.

Я не сдерживаюсь и залепливаю ему пощёчину. Прямо по красивой наглой самодовольной роже.

— Котёнок злится! — ехидно улыбается он.

— Ты не боишься, что мы тоже всем селом можем собраться и снять про тебя такооой ролик!

— Валяйте! Пробуйте! Только кто вам поверит? Да и на центральные каналы точно никто не выпустит.

— Иван Сергеевич! — доносится справа, и я только сейчас замечаю, что там развернули целую съёмочную площадку: камеры, прожектора, ноутбуки...

Как я не замечала раньше всех этих людей? Хотя каждый день чувствовала, что кто-то пристально следит. Но отмахивалась, списывала на нервозность обстановки.

— Иван Сергеевич, — продолжает всё тот же помощник в красной бейсболке, — будете отсматривать материал?

— Да, — отзывается Демидов, — уже иду.

— Тогда и я пойду, — разворачиваюсь к дому.

— Куда собралась? — он хватается меня за руку. — Так дела не делаются, Саша. Ты сама согласилась. Два раза. Так что будь добра, доигрывай роль.

— Какую ещё роль? — зло выкрикиваю, слёзы по щекам размазываю.

— Известно какую — счастливой невесты.

С этими словами он берёт меня за руку и поворачивает к столу, где разместились съёмочная команда.

Я пытаюсь вырваться, злюсь, но Демидов держит крепко и отпускать не собирается.

— Не дёргайся! — зло кидает он. — Если ты не хочешь, чтобы я сломал тебе руку.

Фыркаю: ах, так! Угрожаешь, принуждаешь? Ну-ну!

Я ж злопамятная и мстительная!

Однако к столу, где разместились съёмочная команда, мы всё-таки подходим вместе. Здесь я позволяю себе заглянуть через плечо парня в красной бейсболке и... У меня слов нет! Они снимали едва ли каждый мой шаг!

— Как? — удивляюсь я.

Демидов хмыкает:

— Новые технологии, детка. Теперь камеру можно вставить, например, вон в ту, очень достоверную птицу. Или в эту стрекозу, — он кладёт на ладонь воистину футуристический гаджет. Сделано насекомое столь реалистично, что действительно легко принять за настоящую.

— А как же тайна личной жизни? — склоняю я голову набок и сверлю недовольным взглядом Демидова.

Он ехидно ухмыляется:

— А вот так, детка. Было тайным — стало явным. А совсем скоро — достоянием общественности...

— Какой же ты гадкий!

Демидов морщится:

— Ты повторяешься, Саш. Придумай что-то новое. Я знаю, ты у нас бойка на язычок.

Однако произносит это так двусмысленно, что у меня вспыхивают щёки. И вновь опалает злостью. Это хорошо, если мне больно и если я злюсь, значит, ещё жива. А то уже начала думать, что у меня на месте сердца огромная дыра. Потому что кое-кто выдрал мой главный орган и растоптал его в прах.

— Иван Сергеевич, — поворачивается к нам парень в бейсболке. — У нас как-то романтики маловато. А в таких историях, прежде всего на лав стори внимание обращают.

— Хорошо, сейчас добьём недостающее, — уверено говорит Демидов, даже не удосужившись у меня спросить: а собираюсь ли я с ним что-то там «добивать»? — Кстати, позволь представить, Саша, моего помощника и главного креативщика моей команды Романа Филипчука.

Обладатель красной бейсболки улыбается мне белозубо и совершенно искренне. Как давней знакомой.

— Рад познакомиться с вами, Александра Павловна, так сказать воочию, а не через экран монитора.

— А я вот не рада, — говорю совершенно искренне.

— Да бросьте вы, не каждой девчонке из села выпадает такая честь с олигархом настоящим потереться, на федеральный канал попасть.

Усмехаюсь горестно и выдаю, презрения не скрывая:

— Если бы я хотела стать актрисой — поступила бы в театральный.

— Так, кошечка моя, — Демидов нагло облапывает меня за талию, — ты слышала, что сказал Рома: романтики маловато! Пошли изображать романтику, пока солнце красиво золотить воды озера.

— Ты серьёзно? — смеюсь истерически. — Полагаешь, я сейчас в состоянии изображать романтику? Особенно, с тобой? Да я лучше жабу поцелую!..

— Ах, сколько патетики! — натурально морщится Демидов. — Но тебе придётся постараться, детка. Ты сама обещала помочь, за язычок никто не тянул.

— Потому что я приняла твои излияния за чистую монету!

Он удивлённо выгибает бровь:

— А разве я хоть в чём-то соврал? Даже то, что наша свадьба будет настоящей, а не фиктивной, — правда. Обстоятельства изменились, и жениться, к сожалению, придётся по-настоящему...

Его слова бьют под дых: ну да, действительно, в чём он соврал? Получается — не в чём. А любовь? Так ведь он мне в ней не клялся и ничего не обещал. Я сама всё придумала. Потому что разве может быть у меня, Саши Урусовой, что-то по-другому?! Нет! У меня только по любви!

Ну что ж, похоже Демидов прав: мне пора спускаться с небес на землю... А там... Как говорит мой любимый дедушка: «Не бойсь, Санька, и на твоей улице перевернётся КамАЗ с печеньками». А дедушке я верю.

Поэтому гордо вскидываю голову и иду доигрывать счастливую невесту олигарха. Вот только мои глаза пусть не снимают крупным планом: они же — зеркало души. А от души у меня сейчас одни осколки...

Мы долго фотографируемся в лучах заката. То Иван держит меня на руках, а я ерошу ему волосы. То мы нежно целуемся. То — держим солнце в ладонях...

Красивые снимки. Яркие. Эмоциональные.

Самые профессиональные фотографии.

Лучшие стилисты, которые буквально за пару взмахов кисточкой полностью преображают меня.

Я, оказывается, хорошая актриса. Усвоила бабушкины «уроки актерского мастерства». Она ж у меня — сколько себя помнит — в народной самодеятельности. На ней клуб держится, как говорит заведующая. Кого только бабуле за её жизнь играть не пришлось! И ни одного провала! Все роли — на бис! Большой театр много потерял, зато клуб наш обрел настоящую звезду. Так вот, бывало, повздорит бабушка с дедом, уйдёт в клуб злая или в слезах, а там ей какую-нибудь разбитную бабёнку играть, юморить, народ веселить. И играла ведь! Я всё приставала к ней: «Как ты, бабуля? Как?» А она говорила: «Вышла на сцену — забудь, кто ты есть. Живи ролью».

Вот и я сегодня — живу ролью: Саши, которую любят и носят на руках.

Демидов отпускает меня, когда темнеет окончательно.

Вернее, не отпускает — прекращает съёмку.

А мне говорит:

— Идём, провожу.

Фыркаю рассерженной кошкой:

— Сама справлюсь! Чай, в селе. Тут каждая собака и петух друг друга знают.

— Саму не пушу, — холодно говорит он. — Не спорь.

Да уж, права голоса меня лишают бесцеремонно и нагло.

Ну что ж, хочет провожать — пусть. Иду впереди, он плетётся сзади, но в поле зрения держит: затылком ощущаю тяжёлый взгляд.

У калитки неожиданно притягивает к себе и целует по-настоящему, как тогда, в кабинете Карпыча — клеймит, в плен берёт.

Вырываюсь, брыкаюсь и проигрываю вновь. Потому что тело предаёт меня: губы сами раскрываются навстречу, язык касается языка...

Он отрывается от меня с трудом:

— Беги, собирайся, выезжаем на рассвете.

Хлопаю ресницами, не понимаю.

— Куда?

— Как *куда*? Ко мне домой. С родителями моими будешь знакомиться, к свадьбе готовиться.

И я только теперь до конца осознаю масштаб случившегося: мне придётся покинуть родное село! Я не увижу, как выпишется из больницы дедушка! Не дожусь, когда после летних каникул детвора повалит в обновлённую библиотеку! Не обниму больше бабушку!

Меня вырывают из привычной среды, отделяют корни. А вот выживу ли я — трава без корней — неизвестно. Только спрашивать меня никто не собирается.

А у меня нет сил ни на слёзы, ни на злость.

Молча киваю и, понутив голову, бегу домой.

И вот тут, попав в объятия бабушки, даю волю слезам, а между делом — рассказываю, что устроил Демидов.

— Ах он чёрт окаянный! — ворчит бабушка, приголубливая меня и усаживая на постель.

— Ну ты, Сашка, помни главное: бог всё видит и помечает. Не вздумай мстить или козни строить. Это тебя разрушит, а счастья не принесёт.

Плачу, уткнувшись ей в плечо, и становится легче. Бабушка бережно укладывает меня на кровати, накрывает одеялом.

— Поспи, детка, утро вечера мудренее. Глядишь, проснёшься и будешь знать, как себя вести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.